

МУРЗИЛКА
№9
Журнал ЦК ВЛКСМ
для школьников
младших классов
СЕНТЯБРЬ
1955

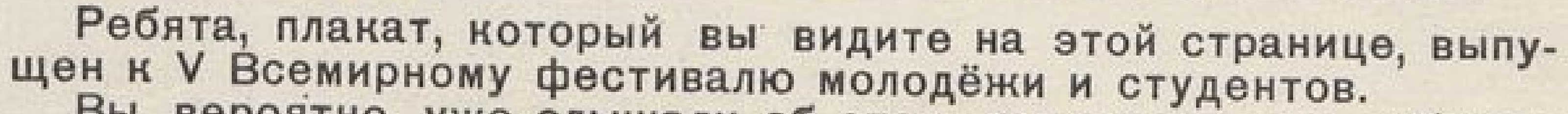

Ребята, плакат, который вы видите на этой странице, выпущен к V Всемирному фестивалю молодёжи и студентов.

Вы, вероятно, уже слышали об этом замечательном событии и знаете, что фестиваль проходил в столице Польской Народной Республики — Варшаве с 31 июля по 14 августа.

Со всех концов земли собрались в польскую столицу юноши и девушки — сторонники мира. Одни приехали в Варшаву свободно, открыто, дорога других была полна опасностей.

Они тайно покидали свои города, потому что полиция в их странах жестоко преследует борцов за мир.

Самолётами, поездами, пароходами и попросту пешком, точно ручейки, тянулись они к Варшаве, чтобы слиться в один могучий, несокрушимый людской поток.

„Войне не бывать!" — сказали негры от имени негритянского народа, индийцы от индийского, китайцы от китайского, французы от французского и все вместе от молодёжи всего мира.

„Мы хотим жить свободно! Мы хотим трудиться на мирной земле!"—раздаётся по-русски, по-английски, по-испански.

Пятый раз собралась молодёжь на свой фестиваль, и с каждым разом увеличивается число участников фестиваля, умножаются ряды сторонников мира.

На фестивале спортсмены соревновались в силе и ловкости, танцоры — в танцах, певцы — в пении.

Вот на беговой дорожке первым оказывается негр — и все радостно хлопали негру. В концертном зале лучше всех выступал чех — и зрители дружно приветствовали чеха. Потому что фестиваль это не только Праздник мира, но и Праздник дружбы. Потому что мир не может быть прочным без дружбы, без уважения одних народов другими.

Прежде чем расстаться с этой страницей, ещё раз внимательно посмотри на плакат. Видишь, крепкий и зелёный стебель держит разноцветные лепестки — флаги разных стран. И все эти флаги на одном стебле, потому что все народы говорят одно и то же:

Миру нужен мир!

АНАТОЛИЙ АЛЕКСИН
Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Первый день

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало...

Шурик ещё не умел читать, но уже знал эти стихи наизусть. Их читала ему мама. Стихи были грустные. И Шурик очень удивился, когда узнал от мамы, что Пушкин, оказывается, любил осень.

Шурик осень не любил. Не любил её за то, что во дворе облетали деревья, и за то, что «реже солнышко блистало». А больше всего за то, что осенью часто шли дожди и мама не пускала его на улицу.

Но вот наступило такое утро, когда все окна были в извилистых водяных тропинках, дождь бесчисленными молоточками заколачивал что-то в крышу, и всё-таки мама не удерживала Шурика дома. Она даже поторапливала его. И Шурик почувствовал, что теперь он совсем большой: ведь и папа тоже ходит на работу в любую погоду!

Мама вынула из шкафа зонтик и приятно похрустывающий белый плащ, который Шурик тайком надевал вместо халата, когда они с ребятами играли в докторов.

— Ты куда? — удивился Шурик.

— Тебя провожу...

— Меня... провожать? Да ещё с зонтиком? Что ты! Ребята на всю школу засмеют!

Мама вздохнула и положила вещи обратно в шкаф.

Шурику очень понравилось бежать в школу под дождём. «Во всех книжках пишут, будто первого сентября обязательно сияет солнышко, — думал Шурик, — а вот сегодня не солнышко, а дождь. И так даже веселей: летят брызги, визжат девчонки!» И только одно огорчало Шурика: почти все ребята знали друг друга, а он никого не знал.

Один раз Шурик обернулся — и вдруг на другой стороне улицы увидел маму. На улице было много плащей и зонтиков, но маму Шурик узнал сразу. А она, заметив, что Шурик обернулся, спряталась за колонну старого одноэтажного дома. «Прячется! Как маленькая!..» — сердито подумал Шурик. И побежал ещё быстрей, чтобы мама не вздумала догонять его.

Возле самой школы он обернулся ещё раз, но мамы уже не было. «Вернулась домой», — с облегчением подумал Шурик.

Ребята строились по классам. Молодая учительница, проворно смахивала с лица мокрые прядки волос, вытирала щёки пёстрым платочком и кричала:

— Первый «В»! Первый «В»!..

Шурик знал, что первый «В» — это он. Учительница повела своих первоклассников на четвёртый этаж.

Ещё дома Шурик решил, что он ни за что не сядет за парту с девчонкой. Но учительница как-то очень просто и весело спросила его: «А ты, наверно, хочешь сесть с Черновой, да?» И Шурику показалось, будто он, и правда, всегда мечтал сидеть с Черновой.

Учительница раскрыла журнал и начала перекличку. Ребята откликались не сразу: они не привыкли, чтобы их называли по фамилии. Да и смущались, конечно...

— А что вам смущаться? — удивилась учительница. — Это когда один новичок в классе, ему сперва трудно бывает, а вы все в одинаковом положении — все новички. Давайте поскорей знакомиться!..

После переклички учительница сказала:

— Орлов, прикрой, пожалуйста, окно, а то на Чернову брызги летят!

Шурика уже второй раз в жизни назвали по фамилии. Он сразу вскочил и подошёл к окну. Дотянуться до ручки ему было нелегко. Он приподнялся — и вдруг замер на цыпочках. За окном, на улице, он увидел маму. Она стояла, закрыв зонтик, не обращая внимания на дождь, который струями стекал с плаща, и водила глазами по окнам школы. Мама, наверно, хотела угадать, в каком классе сидит сейчас её Шурик.

И тут Шурик не смог рассердиться. Наоборот, ему захотелось высунуться на улицу, помахать маме и громко, чтобы не заглушил дождь, крикнуть ей: «Не волнуйся! Не волнуйся, мамочка!.. Всё хорошо!»

Но крикнуть он не мог, потому что на уроке кричать не полагается.

Юлиус Фучик

В братской республике Чехословакии многие тысячи юношей и девушек с гордостью носят на груди небольшой металлический значок. Это значок Фучика. Значком Фучика награждают тех, кто хорошо трудится на заводах, фабриках и стройках Чехословакии.

В Праге — прекрасной столице Чехословацкой республики — есть площадь и улица, носящие имя Фучика.

Именем Фучика назван один из городов республики, многие шахты, заводы, школы, театры, клубы.

У нас, в Киргизии, есть высокая горная вершина — Фучик.

Во всём мире поэты и писатели пишут о Фучике стихи, поэмы, повести, рассказы.

Кто же такой Фучик? Почему так прославлено и любимо это имя в Чехословакии и среди трудящихся людей всего мира?

Фучик — коммунист, героически погибший в борьбе с германским фашизмом, национальный герой чехословацкого народа.

Юлиус Фучик родился в Праге, в семье рабочего-токаря. Ещё подростком он видел, в какой нужде живут рабочие, как мало получают они за свой тяжёлый труд, в какой зависимости находятся от своих хозяев-богачей.

Когда Фучик вырос, он стал писателем. Он писал книги, рассказы, статьи, в которых призывал рабочих и крестьян Чехословакии бороться за своё освобождение. Он и сам участвовал в этой борьбе не только словом, но и делом.

Юлиус Фучик знал, что есть в мире страна, наша страна — Советский Союз, где трудящиеся люди живут свободно и счастливо.

Он решил побывать в нашей стране, но правительство капиталистической Чехословакии не пустило его.

Тогда Фучик тайно перешёл границу и прибыл к нам. Он много ездил по нашей стране и горячо полюбил её, полюбил наш народ.

Вернувшись к себе на родину, Фучик написал о Советском Союзе прекрасную книгу.

В 1939 году германские фашисты захватили Чехословакию.

Чехословацкий народ не смирился с жестокими захватчиками и вступил с ними в борьбу. Этой героической борьбой против гитлеровцев руководили коммунисты, и среди них — в первом ряду — Юлиус Фучик.

Сотни коммунистов и тысячи рядовых бойцов были замучены и казнены, но Фучик, умело скрываясь от ареста, неустанно продолжал бороться.

Но среди тысяч борцов нашёлся предатель, который выдал фашистам Юлиуса Фучика, любимого сына чехословацкого народа.

Долгие месяцы фашисты пытали и мучили Фучика. Они обещали ему освобождение, если он назовёт имена других борцов, укажет место их пребывания. Фучик знал всё, но он не открыл врагам ничего. Он до конца остался верен своему народу. Угроза смерти не сломила его.

8 сентября 1943 года фашисты казнили Юлиуса Фучика.

Фучик сам рассказал нам о своём пребывании в фашистской тюрьме, о муках, которым его подвергали, о своих товарищах, вместе с которыми боролся. В тюрьме он написал книгу об этом и сумел передать её на волю. Эту книгу знает сейчас весь мир, она издана на шестидесяти языках.

Это понятно: ведь Фучик боролся за счастье и свободу всех трудящихся людей, в какой бы стране они ни жили.

Когда рабочие и крестьяне Испании восстали против своих поработителей, Фучик призывал всех трудящихся мира помогать испанским трудовым людям в их борьбе.

Вот тогда он написал и этот рассказ — о том, как дети Чехословакии задумали прийти на помощь испанским рабочим и крестьянам и как они это сделали.

Имя Юлиуса Фучика, великого борца за добро и правду, не умрёт никогда, оно будет жить вечно.

ЮРИЙ НАГИБИН

Рассказ о шести мальчиках

ЮЛИУС ФУЧИК
Рис. О. КОРОВИНА

В этот день шесть мальчиков пришли к ограде угольного склада. Здесь они собираются обычно, чтобы поиграть или просто поболтать о своих мальчишеских делах. Тут у них вырыта ямка, куда они загоняют стеклянные шарики при игре в кулички, а кулички — любимая игра всех чешских мальчиков.

Но сегодня они даже не взглянули на ямку. Они сели на край тротуара возле ограды, и Франтек развернул на коленях газету. Он заботливо разгладил её ладонью: так, приступая к чтению, всегда делал его отец.

С газетной страницы на них смотрело изуродованное лицо мальчика.

Это мальчик-испанец, убитый фашистами при бомбардировке Эльгуэта.

Вшестером они склонились над газетой. Франтек начал читать, и голос его стал не по-детски серьёзен. Слова были трудные и непонятные, но каждому из шестерых всё было ясно и без слов.

Этот испанский мальчик из Эльгуэта, как и они, ходил в школу. Наверно, он тоже играл в кулички. И, быть может, именно в ту минуту, когда его стеклянный шарик катился в ямку, над ним повис фашистский самолёт...

Шесть мальчиков поглядели вверх. Там, в голубой выси, плыли весенние облака.

Врага над ними сейчас не было. Но враг был в Испании. Он убивал эльгуэтских мальчиков.

— Мой брат уехал добровольцем в Испанию,— сказал Руда.— Он будет воевать с фашистами.

— Нас не возьмут в добровольцы! — вздохнул Франтек.

Да, они понимали: мальчиков туда не берут. Когда вырастут, другое дело... Но это же не скоро будет!

А чем-то помочь нужно сейчас, немедленно. Эльгуэтские мальчики ждать не могут: над ними — фашистские самолёты...

Все шестеро посмотрели друг на друга. Что же им предпринять?

Взгляд Франтека скользнул по газетной странице. «Сбор денег в фонд помощи испанскому народу», — прочёл он.

— Смотрите! — обрадовался Франтек.

Наверно, сейчас это была та единственная помощь, которую они могли бы оказать испанским мальчикам.

На тротуар были выложены все деньги, что нашлись в мальчишеских карманах. Их пересчитали: здесь не наберётся и полкроны.

Какая это помощь! Слишком мало...

— Давайте завтра ещё принесём, — неуверенно сказал один из шестерых.

Нет, разве можно откладывать на завтра?

Они сидели в раздумье: где взять денег?

Вдруг Антонин сказал:

— У меня есть складной нож. — И, на какое-то мгновенье поколебавшись, прибавил: — Его можно продать...

Продать нож? Мальчики посмотрели с изумлением. Это казалось почти кощунством. Нож Антонина был сокровищем. Каждый из них мечтал о таком ноже. Он был почти как рыцарский меч, на котором можно даже приносить присягу.

Но они поняли Антонина.

Франтек торжественно

встал. Другие тоже встали. Он крепко стиснул руку Антонину — крепко, как это всегда делают мальчики; взрослые мужчины так могут пожать руку лишь в час опасности.

Потом Франтек молча положил на землю рядом с ножом Антонина жестяную банку из-под ваксы. Конечно, это была не такая ценность, как складной нож, но расстаться с банкой тоже нелегко.

Руда с сожалением сжал в кулаке тринадцать стеклянных шариков для игры в кулички. Но когда рядом с ножом Антонина и банкой Франтека Иозеф положил свой свисток, Руда устыдился. К своим стеклянным шарикам он прибавил ещё один, четырнадцатый, оловянный, которым он всегда неизменно выигрывал.

Шесть пар карманов были вывернуты и опустошены. На тротуаре лежало самое ценное, что было у мальчиков, — множество тех удивительных вещей, назначение которых взрослым непонятно.

За рекой, на правом берегу Влтавы, в кривых улочках, ещё можно найти лавчонки старьёвщиков. Бедняки несут туда продавать свой скарб.

Туда, по невидимым следам, протоптанным ногами их родителей, и направились шесть мальчиков.

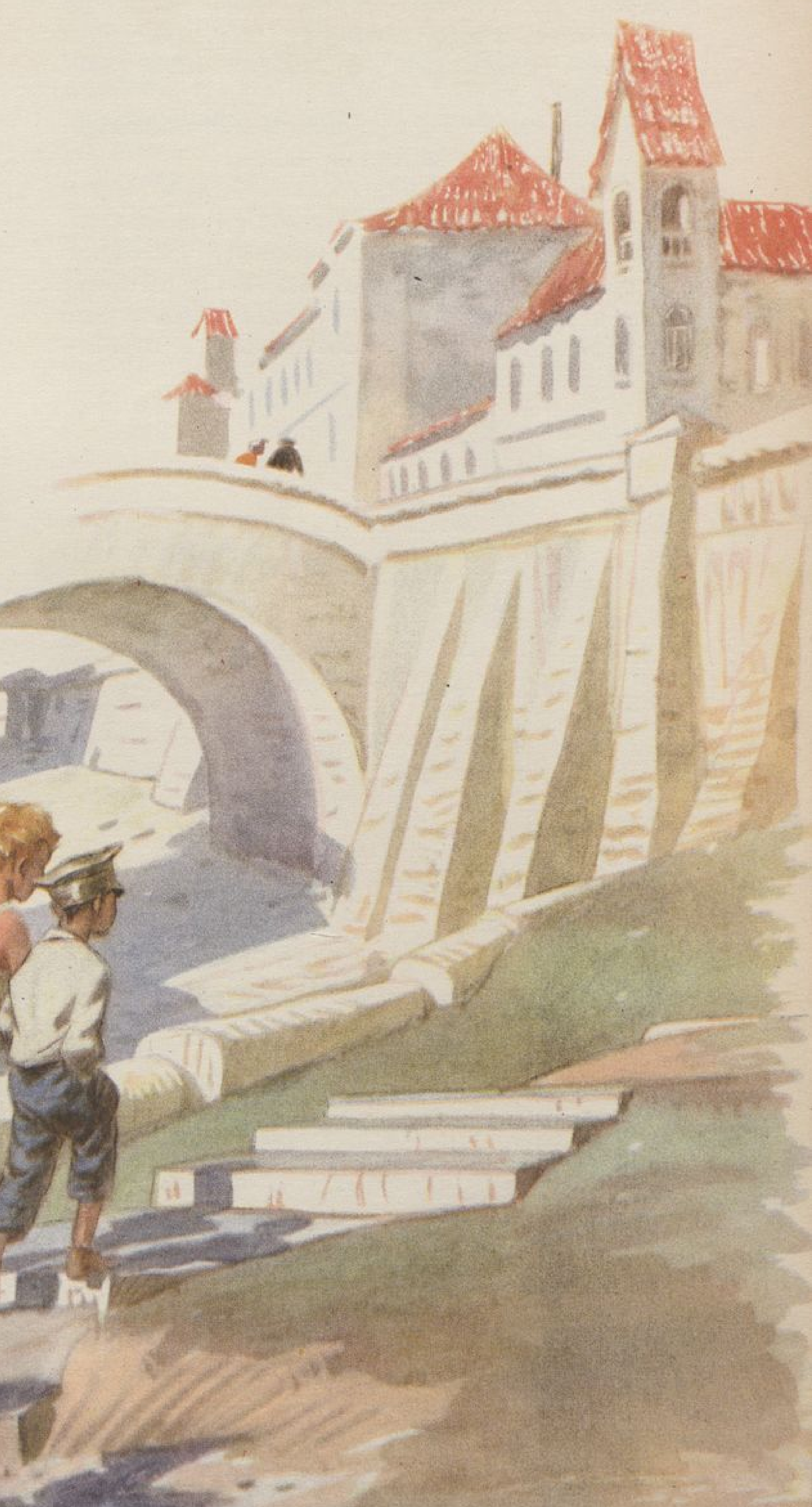
Впереди шли Франтек и Антонин. В карманах у них лежали сокровища, доверенные им товарищами. На расстоянии десяти шагов, не спуская с них глаз, словно почётный караул, шагали остальные четверо.

У лавчонки старого Изака они остановились. Четверо стали у входа, а Франтек и Антонин с волнением, которое старались скрыть, вошли внутрь.

Старый Изак стоял за прилавком. Мальчики молча выложили перед ним то, что принесли в карманах: коробку из-под ваксы, свисток, складной нож, стеклянные шарики и всё остальное.

Старьёвщик сердито заворчал:

— Так что, по-вашему, я с этим должен делать?

Мальчики смотрели не с тревогой, как их матери, приносившие последнее тряпье, не с напускной беспечностью отцов, которые не желали показывать своей нужды. Нет, мальчики смотрели на старого Изака гордо: они знали цену вещам, что лежали на прилавке.

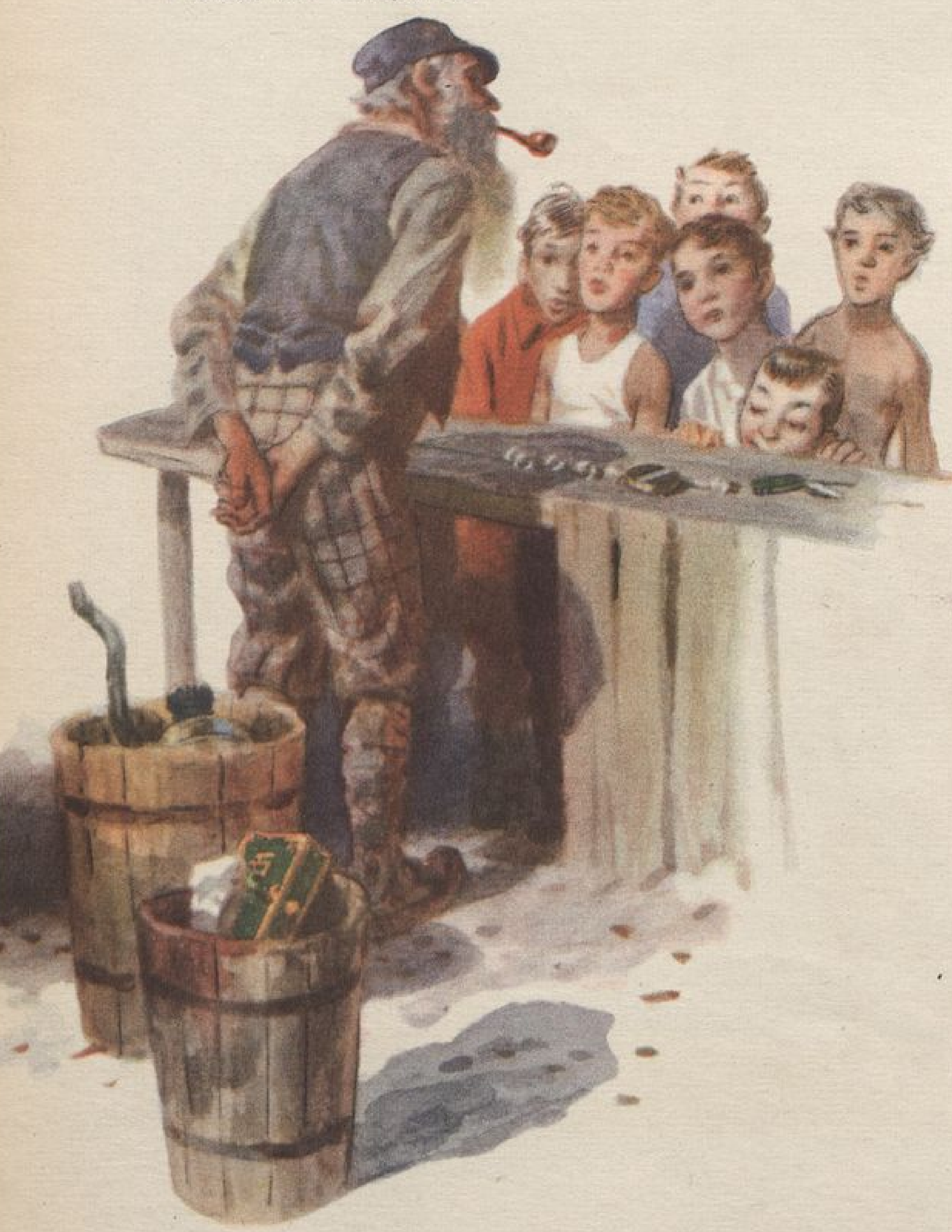
— Ступайте лучше вон, озорники! — сердясь, сказал старьёвщик.

Мальчики, переглянувшись, усмехнулись: ничего не понял этот человек! Он скорей всего не верит, что они собираются расстаться с такими драгоценностями.

И Франтек тогда торжественно произнёс:

— Это мы решили продать.

Старый Изак знал людей. Он мог по голосу распознать, кто пришёл со своей бедностью впервые и кто продавал уже свои лохмотья не раз. И он никогда не отказывал в помощи тем, кто в случае отказа уже не придёт снова, хотя бы пришлось умереть голодной смертью.

Если бы старьёвщик Изак не был так стар и опытен, слова Франтека рассердили бы его окончательно. Но сейчас он с интересом взглянул на мальчиков и всё так же ворчливо проговорил:

— Вы подумайте только, чего не затеют мальчишки, чтобы разжиться пачкой папирос!

— Вовсе не на папиросы! — сказал оскорблённый Франтек.

— На кино? — спросил Изак.

Франтек не выдержал; хотя никто не поручал ему, он всё-таки заявил:

— Для Испании мы!

Сказав это, Франтек испугался. Разве можно выдавать их общую тайну старому Изаку? А вдруг тот сейчас же позовёт полицию и расскажет, что они читают «Руде право» и собирают деньги на Испанию?

Пропадут тогда и складной нож Антонина, и кулички Руды, и свисток Иозефа, и всё остальное. Они уже ничем не смогут помочь тем мальчикам из Эльгуэта.

Франтек протянул руку: нужно спасти хоть часть того, что сейчас лежало перед старьёвщиком.

— Оставь! — строго сказал Изак и взял с прилавка помятую жестянку из-под ваксы. Он долго рассматривал её.—М-да-а...— наконец проговорил он. — Неплохая штука! Но больше двух крон я за неё не дам.

У мальчиков захватило дыхание: две кроны только за одну коробку!

Потом старьёвщик взял складной нож Антонина. Подержал его в руках, словно оценивая.

— Хорошая работа! — Взглянув на лица мальчиков, серьёзные и напряжённые, он спросил: — Так, говорите, для Испании? — И, положив нож возле жестянки, прибавил: — Что ж, пять крон за этот нож, я думаю, не так уж плохо, а?

Старый Изак справедливо оценил вещи: и деревянного чижика, и свисток, и ту оловянную куличку Руды, с которой мальчику так не хотелось расставаться.

Потом мелкими монетами, чтобы денег казалось больше, он выложил на прилавок перед мальчиками двадцать крон.

Сокращённый перевод с чешского
С. Могилевской и Л. Зориной

В Индонезии

В. МИКОША *Рис. А. КОКОРИНА*

Посмотрите на карту.

Как просто по ней добраться до самого краешка Азиатского материка и, спустившись по узенькой полоске Малаккского полуострова, оказаться на берегу Индийского океана.

А тут уж и рукой подать: вот они перед вами — острова и островки, большие и маленькие, как будто кто-то взял их в горсть и высыпал в беспорядке на поверхность океана. Островков так много, что их не сосчитаешь: больше чем три тысячи. И все вместе они называются страной Индонезией.

Вот так мы с моим сыном, путешествуя по карте, попадали в Индонезию.

Оказывались мы там без трудов и хлопот, и всё путешествие занимало всего несколько минут.

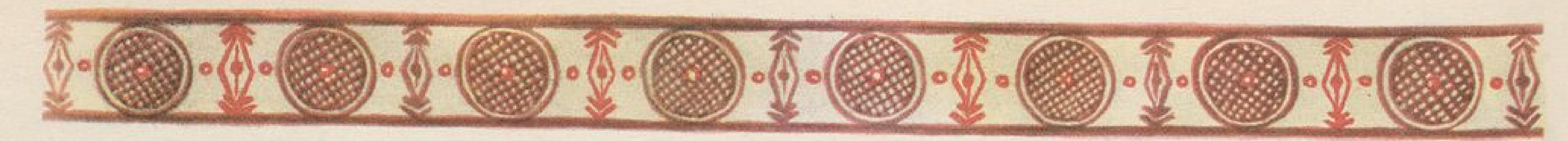
Правда, нам казалось, что по узенькому коридору Малаккского полуострова очень трудно пробраться, остров Яву легко можно перешагнуть, а на острове Целебес вовсе нельзя поместиться, но всё-таки мы были уверены, что от нашей Москвы, от нашего Ленинградского шоссе, откуда мы начинали наш путь, совсем не так далеко до Индонезии. Но когда мне на самом деле пришлось поехать туда, оказалось, что это не так.

С того момента, как мой сынишка помахал рукой вслед самолёту, уносящему меня в Индонезию, и до того, как под крылом самолёта поплыли большие и маленькие острова, прошло шесть дней.

Я летел, ехал в поезде, потом снова пересел на самолёт. За это время в Москве начался учебный год, мой сын уже пошёл в школу и успел получить первую пятёрку, а я всё ещё никак не мог добраться до Индонезии.

Мимо меня пронеслись шумные вокзалы итальянских городов, потом под крылом самолёта появилась пустыня; и сколько я ни смотрел через маленькое круглое окошко самолёта — внизу плыли раскалённые на солнце жёлтые пески.

Но вот на шестой день пути внизу показалось море. Оно было такое синее, как будто кто-то покрасил его краской, и такое большое, что мне казалось, что оно никогда не кончится.

Но вдруг мой сосед тронул меня за плечо: «Смотри! Земля!»

Сначала её трудно было заметить. Я даже подумал, что это туча, но нет — вот они, берега с пальмами, наклонившимися над самым морем, и мол с красным огоньком маяка, прилепленным к самому его краю.

Вот он, остров Ява!

Оказывается, его не только не перешагнёшь, а на него сел самолёт, на нём уместился очень большой город Джакарта, столица Индонезии. А там за городом, далеко впереди, за пальмами и рисовыми полями, протянулась ниточка горизонта. Так хочется поскорее узнать, много ли там ещё земли? Кто там живёт? Что там?

Но уже совсем темно, только за воротами аэропорта таинственно мерцает огоньками город.

ЧТО СТУЧАЛО ПО КРЫШЕ?

Знаете, как трудно уснуть в незнакомом городе?

Ветерок приносит с собой какие-то незнакомые шорохи и запахи; пахнет очень приятно. Наверное, тропическими цветами и растениями.

Я высовываюсь в окно.

В тёмной зелени деревьев под окном время от времени слышен пронзительный крик. Потом я узнал, что так кричат большие ящерицы, которые живут около домов, скрываясь в зелёных зарослях.

Не успел я подумать, как из темноты понеслись и стали приближаться ко мне новые звуки. «Дзинь-дзинь» — два коротких, тоненьких звоночка, «дзинь-дзинь», всё ближе и ближе...

Справа что-то засветилось, и ко мне стали приближаться огоньки. В их свете я увидел, что по дорожке, которая проходит под моим окном, идёт человек.

На плече у него бамбуковое коромысло,

на концах которого подвешена стеклянная посуда; здесь рюмки, стаканы, стаканчики, графины. Их так много, что хватило бы на целый магазин. Два ярких огонька освещают его ношу и помогают видеть, дорогу.

Человек идёт быстрым припрыгивающим шагом, почти бегом и время от времени трясёт маленький звонок, «дзинь-дзинь» — два звонких коротких удара, «дзинь-дзинь». Куда это спешит он ночью со своей посудой и зачем звонит?

Но не успел я подумать, как почувствовал, что всё моё тело горит от чьих-то острых, как иголочки, укусов.

Что такое? Вся моя освещённая комната была полна маленькими тёмными точками; они усыпали все стены и потолок, расселись на ламповом колпаке. Это были москиты. Тут я сразу понял, почему моя кровать была наглухо затянута плотным марлевым пологом. Туда-то вы, голубчики, не проберётесь! Но они и туда пролезли, на белых простынях и подушке сидели москиты и, наверное, поджидали меня. Я разозлился, схватил полотенце и стал направо и налево изо всех сил бить москитов и вдруг увидел ещё одну непонятную штуку.

На стенах комнаты сидели небольшие серенькие ящерицы. Они быстро бегали по потолку, забирались на занавески.

Я хотел заодно разогнать и ящериц, но вдруг заметил, что они мне помогают. Ящерицы быстро высовывали свои длинные острые язычки — раз! — и поедали москитов. На моих глазах ящерица подкараулила муху и в одно мгновенье проглотила её. Вот умница! Тогда я решил: пусть теперь они ловят москитов, а мне не мешало бы поспать. Я забрался под марлевый полог и уже сквозь сон услышал, как что-то зашуршало в листве и хлопнулось о подоконник. Потом несколько раз ухнуло по крыше.

Я долго ворочался, потому что очень трудно уснуть в незнакомом городе.

Что это стучало по крыше?..

(Продолжение следует)

Литературная запись И. Веткиной

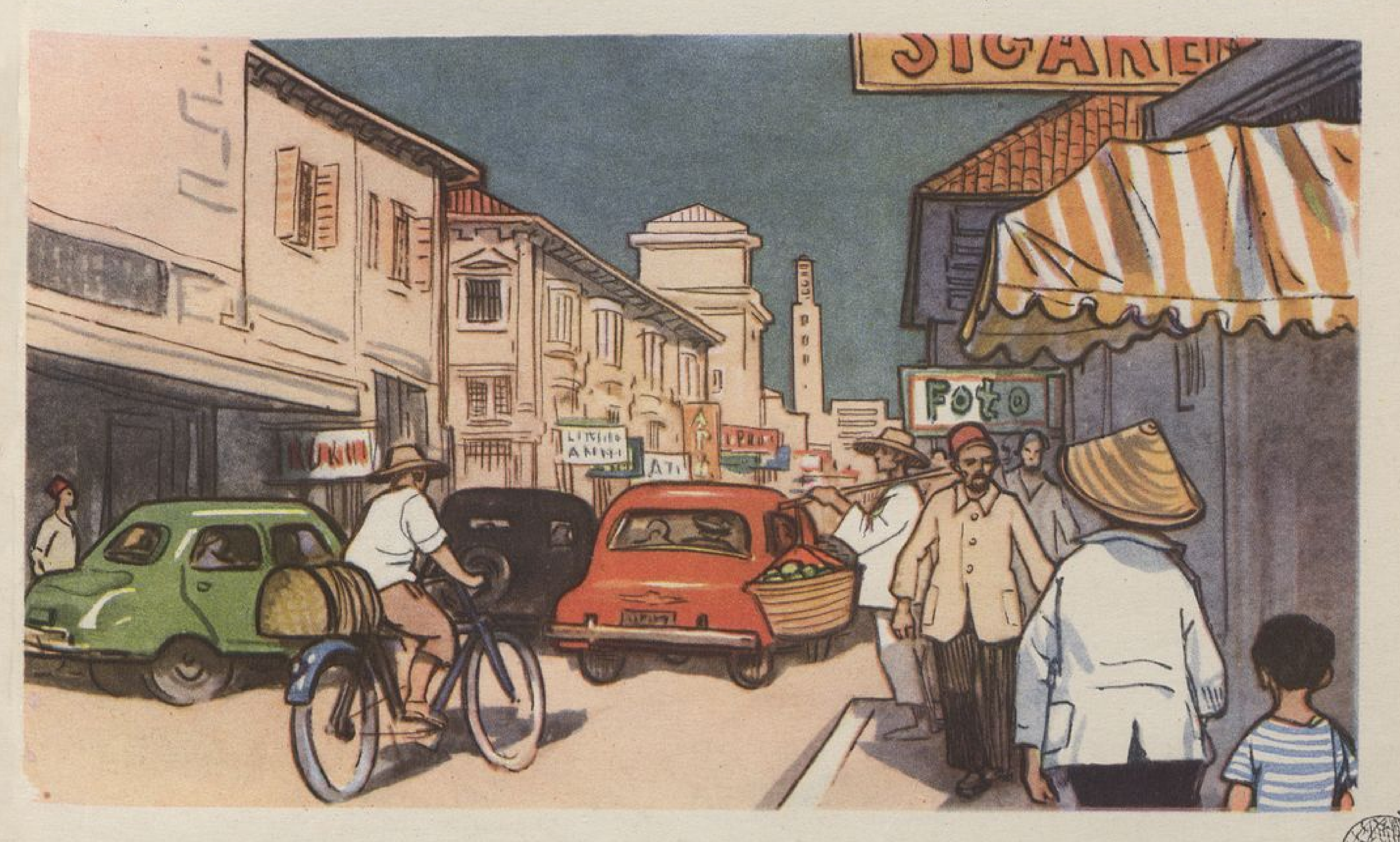

Рис. В. АНДРИЕВИЧА, И. БРУНИ

ХИТРЫЙ ОГУРЧИК

ЯКОВ ПИНЯСОВ *Рис. В. КАРПОВА*

У нас на огороде вырос огурчик, да такой хитрый, — хитрей Наташи, которая его посадила.

Дело было так. Вся детвора детского сада помогала бабушке-сторожихе разводить огород. Сажали ребята семечки в маленькие горшочки, а потом эти горшочки высаживали в грядки. А потом поливали всходы водой из бутылок. Очень удобно: каждый принесёт на грядку бутылку с водой и поливает — кто свёклу, кто морковь, кто капусту.

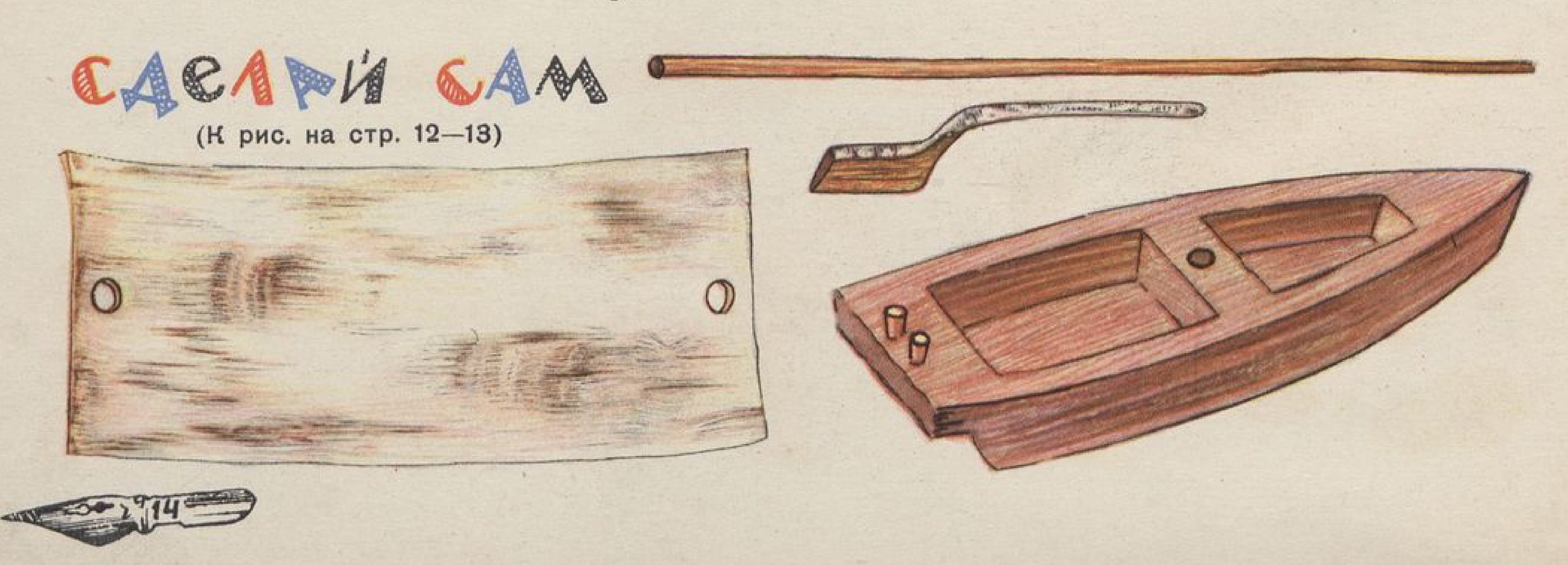
И ребятам интересно, и растения радуются, — весёленькие такие растут-цветут. Наташа и её подружки поливали огурчики. Очень им нравилось, что у них цветы золотенькие.

Вдруг сказали ребятам: „Дети, собирайтесь в летний лагерь. В сосновые леса, на песчаные берега, на светлую речку“.

Побежали ребята собираться, а Наташа — быстрей всех, и за-

СДЕЛАЙ САМ

(К рис. на стр. 12—13)

была на грядке свою бутылку с водой. Так и осталась лежать бутылка — горлышком к цветущим огурцам.

В конце лета вернулись ребята в свой дом, пошли на огород. Ой, сколько всего здесь выросло! И красная свёкла, и зелёная капуста, и жёлтая тыква. А сколько огурцов! Теперь уж не узнаешь ни своих, ни чужих! Вся листва переплелась, — пойди угадай, кто который сажал, кто поливал.

Вдруг бабушка зовёт Наташу:

— Наташа! Иди полюбуйся на свой огурчик.

— Где он?

— А вот посмотри.

Поглядела Наташа: лежит на грядке забытая ею бутылка, а в ней вырос огурец. Такой большущий, что всю бутылку занял!

— Вот как ловко устроился: тепло, светло и мухи не кусают, — смеётся бабушка.

А ребята стоят и не могут понять: как же такой громадный огурец мог влезть в узкое горлышко бутылки?

— Наташа, а Наташа, как же это ты вырастила огурец в бутылке?

А Наташа и сама не знает. Только руками разводит:

— Я ничего. Это он сам туда влез. Я бы так не влезла.

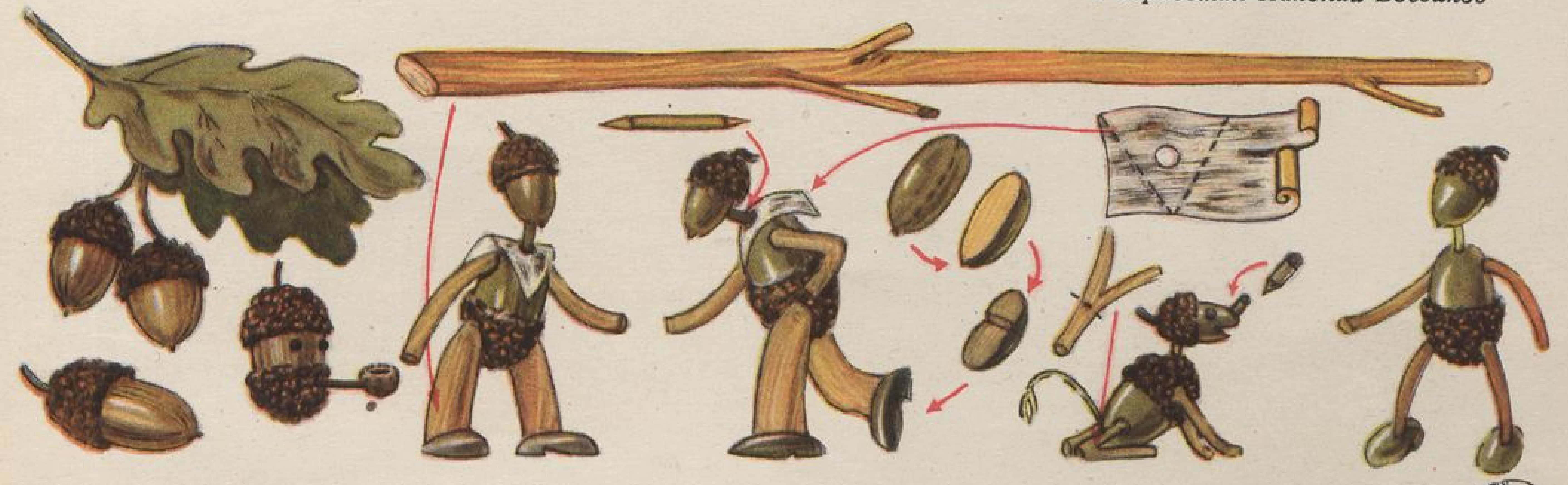
Ну хитрец огурец! Такой даже есть жалко. Сорвали его с грядки и поместили в комнате, где у ребят были аквариумы с живыми рыбками, клетки с птичками, коллекции жуков и бабочек и разные чудеса.

Все смотрели на огурец в бутылке и смеялись.

Уж очень он важно там сидит, а как забрался — не говорит. Такой забавный!

Вот и догадайтесь: как он попал в бутылку?

Перевёл с мордовского
и обработал Николай Богданов

ПИТ И ДОЖДЬ

ЛЕЙЛА БЕРГ

Рис. В. ГОРЯЕВА

В этот день дождь лил как из ведра. Лил не переставая. Пит надел плащ с капюшоном, высокие резиновые сапожки и вышел на улицу посмотреть, что там творится.

Дождь лил со свистом. Он отскакивал от мостовой, обрушивался с навеса над крыльцом. Там, где были выбоины и ухабы, разливались огромные лужи.

На улице не было никого, кроме Пита. Всякий, кто только мог, сидел дома, где было тепло и сухо. Даже тень Пита и та не вышла на улицу. Она никогда не выходила в дождь.

Но Пита нисколько не беспокоило, что он был один. На противоположной стороне улицы в широкой луже плавали корабли. Пит был совершенно уверен, что это и в самом деле корабли.

Лужа стояла под воротами, и по ней деловито сновали взад и вперёд десятки, сотни корабликов. Пит даже глаза вытаращил. Никогда ещё не видел он ничего подобного. Он на всякий случай посмотрел налево и направо и перешёл на другую сторону улицы, шлёпая по воде и разбрызгивая её резиновыми сапогами. Подойдя к самой луже, он увидел, что никаких корабликов там нет, а по воде плавают огромные пузыри. Дождь стекал с перекладины ворот, и каждая капля, падая в лужу, становилась пузырём, который весело пускался в путь. Это было просто удивительно!

Пит притаился у ворот и стал наблюдать. Он попытался было считать пузыри, но они ни за что не хотели стоять на месте, а к тому же на воде то и дело возникали новые и новые. В конце концов Пит перестал их считать. Пузыри плыли вереницей один за другим, как утки, переплывающие пруд, а иной раз собирались в кружок. Полюбовавшись на них вдоволь, Пит осто-

рожно поставил ногу на один из пузырей. Пузырь сразу исчез. Пит наступил на другой. Потом принялся скакать по луже, расплёскивая воду и наступая резиновыми сапогами на каждый новый пузырь, который в то же мгновенье лопался.

Наконец Пит выбрался из лужи. От такого купанья его сапоги стали очень чёрными и блестящими.

Теперь Пит увидел, что целая река течёт по улице. Дождевая вода несла за собой опавшие листья — множество листьев, щепочки и разные бумажки. Куча этого мусора застряла в решётке водостока. А дождь продолжал лить, образуя водовороты. Дождевые потоки не могли проникнуть сквозь решётку, как им следовало бы, потому что она была засорена. Бурля и вздуваясь, вода неслась поверх стока, как большая, глубокая река.

Вдруг Питу показалось, что он увидел в воде рыбку. Крошечную рыбку! Она то выплывала наверх, то опять погружалась в глубину или застревала среди листьев.

«Какая славная чёрная рыбка!» — подумал Пит, но скоро понял, что это была всего только щепочка.

Ну что ж, щепочка так щепочка! Не всё ли равно?

Пит побежал по воде, не отставая от щепочки, и, когда она застревала где-нибудь, помогал ей пальцем. Щепочка плыла, как живая. Питу очень нравилась такая игра.

Наконец Пит и щепочка вместе спустились по склону холма. Это было очень длинное путешествие.

И вдруг у самого подножья холма Пит увидел старика, который шарил палкой в воде. Он копался в водосточной канаве, выбрасывая из неё мусор, и как только щепочка Пита подплыла к этому месту, вся вода хлынула в сточную решётку. Туда же понеслась и щепочка. Юрк! — и она исчезла.

Пит очень огорчился. Так огорчился, что не мог выговорить ни слова. Наконец он спросил:

— Что вы наделали? Теперь моя пловучая щепочка пропала!

— Ваша пловучая щепочка? — переспросил старик.

— Ну да! Она проплыла столько миль!.. — сказал Пит. — Даже не сосчитать, сколько... А теперь я её потерял навсегда!..

— Извините. Мне очень жаль, — сказал старик.

— Да, но вы не должны были делать этого! — закричал Пит. (Голос опять вернулся к нему.) — Вы ужасный человек!

— Я прочищал водосток, — объяснил старик. — Если он засорится, дождевая вода задержится и затопит всё кругом. Мы не сможем ходить по улицам.

— Ну, а лодки на что? — возразил Пит.

— Где же достать лодку? — спросил старик. — У меня её нет. А у тебя есть?

— Мы её сделаем сами. Мой папа сделает.

— Но для всех он не может сделать, — сказал старик. — Каждому понадобится лодка. Папе — чтобы попасть на работу. Маме — чтобы ехать за покупками. Тебе — чтобы гулять. Другим детям — чтобы добраться до школы. Твой папа не сможет сделать столько лодок. Это совершенно невозможно.

— А мне всё равно, — сказал Пит. — Из-за вас я потерял свою щепочку. Что я теперь буду делать? У меня нет щепочки. И не будет больше. А ведь дождь ещё не кончился. Он льёт и льёт. И во всём виноваты вы!..

— Вот что я тебе скажу, — прервал его старик. — Я кое-что придумал!

Пит ничего не ответил: он ждал.

— Ты видишь у меня в руке палку? — спросил старик. — Это палка особенная. Она служит мне для самых разных надобностей. Сейчас, например, для прочистки водостока. Если хочешь, я, пожалуй, мог бы тебе позволить помогать мне в этом деле.

— Помогать чистить решётку? — закричал Пит. — Протыкать её палкой? И сгребать листья, чтобы вода пошла в люк? Да?

— Да, — ответил старик. — Но повторяю: я мог бы тебе позволить. Однако я ещё не совсем решил...

— О, пожалуйста! — закричал Пит, прыгая от радости. — Позвольте! Пожалуйста, позвольте помогать вам!

— Хорошо, — сказал старик. — Так и быть. Но ты должен перестать прыгать и обдавать меня брызгами. И, кроме того, должен перестать кричать.

— Я обещаю! — сказал Пит. — Правда, я не очень уверен, что буду всё время помнить своё обещание, но я постараюсь. И всё-таки я немножко боюсь, что забуду.

И они вдвоём пошли по склону вверх, выгребая по пути листья из канавы, чтобы вода свободно лилась в решётку. Так, дружно работая и честно соблюдая очередь, дошли они до самой вершины, и вот, когда они кончили свою работу, вода хлынула прямо в решётку, как ей полагалось.

Скоро исчезла и речка, которая образовалась на улице из-за того, что решётка была забита опавшими листьями и всяким мусором.

На мостовой остались только Пит да старик со своей палкой.

Это был тоже очень хороший день.

Перевод с английского О. Образцовой

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

УЧИТЕЛЬ

АЛЕКСАНДР БЛОК

Кончил учитель урок,
Мирно сидит на крылечке.
Звонко кричит петушок,
Скачут барашки, овечки.

Солнце за горку ушло,
Светит косыми лучами.
В воздухе сыро, тепло.
Белый туман за прудами...

Старый учитель сидит,—
Верно, устал от работы;
Завтра ему предстоит
Много трудов и заботы.

Завтра он будет с утра
Школить упрямых ребяток,
Чтобы не грызли пера
И не марали тетрадок.

Стадо идёт и пылит,
Дети за ним — врассыпную.
Старый учитель сидит,
Голову клонит седую.

Рис. Н. ЦЕЙТЛИНА

БИНОКЛЬ

ЮРИЙ КОРИНЕЦ

Папа вытащил из шкапа
свой бинокль полевой.
Я сказал: „Позволь мне, папа,
посмотреть в бинокль твой“

Сразу за оградой сада
начинается лесок.
Только надо до ограды
сад пройти наискосок.

Лес тот близок ли,
далёк ли,
не пойму теперь никак.
С одного конца бинокля
поглядишь —
до леса шаг.
Поглядишь с конца другого —
кажется, что лес далёк,
повернёшь бинокль снова —
и приблизится лесок!

Всё в бинокле стало близким:
и далёкая река,
и над нею,
низко-низко,
дождевые облака.

Я в бинокле очень просто
вижу
камень у реки,
рыбаков в воде у моста
и на волнах поплавки.

Вижу я, как вышла кошка,
пышный хвост подняв трубой,
из чердачного окошка
в сером доме за рекой.

Всё как будто встало рядом —
только руку протяни.
Всё увидел я из сада,
не слезая со скамьи.

Даже на руке соседа
(шёл он лесом мимо нас)
на ручных часах „Победа“
увидал,
который час!

А. БАРТО

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Мы печатаем сообщения, полученные от наших корреспондентов — двух синиц. Они за это время успели побывать в Арктике. Помещаем их письма и радиограммы.

РАДИОГРАММА

Твёрдо решили вылететь в бухту Тикси. Хотим узнать на месте, как школа дружит с кораблём. Мечтаем быть первыми ласточками, то-есть первыми синицами, в Арктике.

РАДИОГРАММА

Шлём привет из Диксона. Хотели тут устроиться на ночлег, но узнали, что ночь здесь наступит ещё не скоро. Тут сейчас длится день. Когда спать — не знаем. Летим дальше.

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Наконец-то мы прибыли в Тикси. Здесь всё для нас необычно. Деревьев, например, совсем нет. Обязательно узнаем у здешних птиц, пуночек, где же они вьют гнезда? Вода в бухте синяя, красивая. Мы любовались ею с птичьего полёта. Хорошо, что мы прилетели сейчас: мы увидели новые двухэтажные дома, а зимой их и не видно, иногда пурга засыпает их снегом до самых крыш. Несмотря на такой суровый климат, холода мы не почувствовали, — ребята встретили нас очень тепло. Теперь самое главное: о дружбе. Школьники Тикси дружат с командой парохода «Колхозник». Когда пароход приходит из дальнего плавания, моряки бывают в гостях у ребят. Для школьной коллекции они привозят из дальних мест разные диковинки: кокосовые орехи, морскую звезду, морского конька. Однажды даже привезли каракатицу из Сингапура.

Но и ребята удивили моряков: преподнесли им бивень мамонта, который нашли в тундре. Пионеры говорят, что этот бивень пролежал в земле тысячи лет, дожидаясь, пока ребята найдут его. Ещё вот что мы узнали: тут многие школьники интересуются морским делом и даже стали лучше учить английскую грамматику, потому что морякам нужно уметь говорить на разных языках. Пока до свиданья.

Ваши синицы

Рис. В. КОНСТАНТИНОВА

СТРАНИЦЫ

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

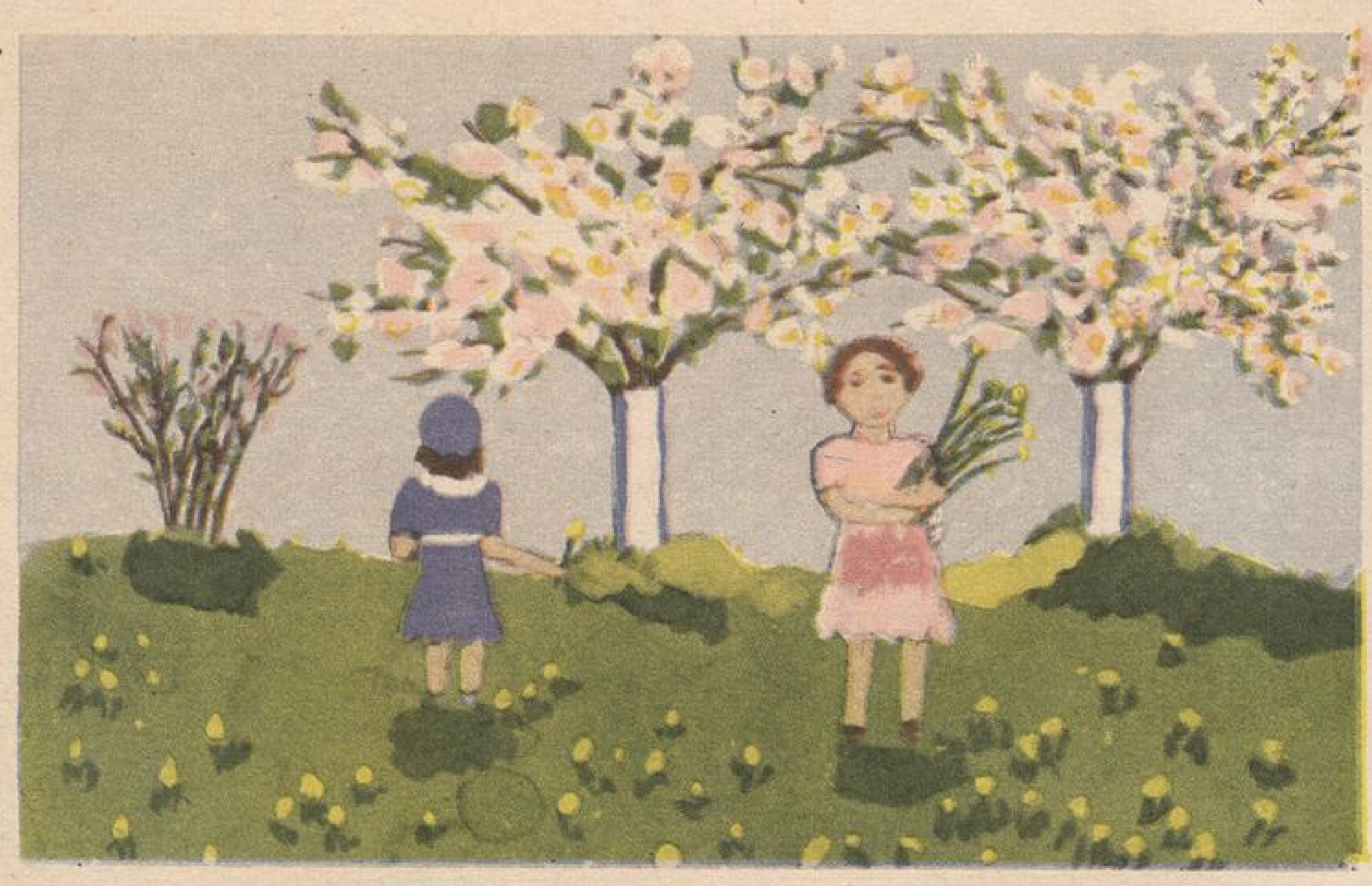
Теперь пришло нам время расстаться с „Мурзилкой". Мы очень рады, что смогли помочь вам в работе, как ваши корреспонденты. Вы помните, как мы впервые прилетели в журнал искать защиты от Алика с рогаткой? А теперь мы побывали в разных школах, в разных городах и убедились, что хотя среди школьников и попадаются ещё такие Алики, драчуны Тарасы и ленивые Федоты (о которых мы рассказывали на страницах журнала), но хороших ребят и даже замечательных гораздо больше! Шлём им привет и желаем нашим дорогим читателям всего доброго в новом учебном году!

Горячо машем крылышками!
Улетаем! Синицы

С читателями прощаются
Шустрые синицы.
На этом закрываются
Пёстрые страницы.

„Девочки собирают цветы“. Окороков Виталий, 6 лет, Московской обл. →

Алдухова Зинаида, 5 лет, Московской обл. ↓

„Золотая осень“. Борисов Владимир, 6 лет, г. Бобруйск ↓

↑ „Дед Мазай и зайцы“. Сычеников Александр, 7 лет, г. Ленинград

← Пилайнис Гундега, 6 лет, г. Рига

На обложке — рисунок Е. Афанасьевой

Художественный редактор О. Кашкин Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06 *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцать первый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

А04209 Подписано к печати 1/VIII 1955 г. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 650 000 экз. Заказ 1583

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.